

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА НИКИТИНА
Институт языкознания РАН, Москва

Русские конфессиональные группы сегодня: окружение и контакты с иноверцами *

В 1995 г. в одном из сел Саратовской области я попала на необычное богослужение. В православном доме собрались несколько женщин, в основном молоканки. Читали Евангелие и православные молитвы, пели молоканские псалмы и православные ирмосы. После того как все дружно пропели *Богородица дево радуйся*, возник спор о том, нужно ли поклоняться Богородице. Спор был разрешен словами: “Мы должны быть все воедино”, после чего пение и чтение шло своим чередом. Снова возникали разговоры о правильности вер: православные убеждали молокан в необходимости крещения, а те отвечали, что великий грех православной церкви — брать деньги с верующих. Но опять вспоминали, что Бог один для всех, и православно-молоканское моление продолжалось.

Совместное служение имело довольно долгую (пятилетнюю) историю: “Стали старые помирать. Остались несколько человек. Марья Михайловна, у ней голос, она много псалмов знает. Нас мало. Зачала агитировать православных. Лет пять, как с православными ходим”.

Как выяснилось в процессе общения, такой симбиоз вер в богослужении, естественно, не получил одобрения у православного священника: “Батюшка сказал: с молоканами не общайтесь — они некрещеные”. Однако церковь была далеко, малодоступна, и совместные моления продолжались с таким уговором: “пусть православные всегда открывают”. Молокане спокойно согласились: “Все равно наши псалмы все поют”.

Сходную ситуацию мне пришлось наблюдать на севере Архангельской области, в беломорском поселке Койда: там я попала на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 00-04-24А.

панихиду, которую служили вместе старообрядцы — представители белокриницкого согласия, потомки беспоповцев и... православные.

Богослужение в первом случае было более молоканским, нежели православным, во втором — полностью старообрядческим, и это не было связано с конфессиональными пропорциями среди собравшихся. Дело в том, что и молокане, отколовшиеся от православия, и православные старообрядцы, не принявшие никонианских реформ, привыкли выживать в постоянном противостоянии господствующей церкви и властям и оказались относительно стойкими к ударам, которые советская власть обрушила на всех верующих. Советское время уравнило все конфессии: и ранее господствующую православную новообрядческую церковь, и маленькие секты, сделав всех нежелательными маргиналами. Лишенная священников, присылаемых “сверху”, привыкшая к постоянной скрытой борьбе, православная паства во многих российских деревнях довольно скоро утратила те немногие знания, которые были связаны с таинствами и обрядами; старообрядческие же и молоканские общины были самодостаточными и продолжали тайно или явно функционировать.

Так, во Владимирской области в деревне, где православные живут рядом со старообрядцами-беспоповцами, всех православных отпевают старoverы. В Ростовской области, как рассказывают молокане, в пос. Михайловка Целинского района под руководством молокан собираются “все христиане”: православные, молокане, духоборцы. Пресвитер — бывшая православная, перешедшая в молоканство. Хор села Михайловка под руководством молоканского пресвитера удовлетворяет все просьбы окрестных сел (независимо от вероисповедания) похоронить умерших по-молокански.

Эти ситуации — яркая демонстрация межконфессионального взаимодействия, которое было невозможным еще несколько десятилетий назад вследствие запретов на религиозные “сборища”, а еще раньше, до Советской власти — из-за действительного взаимного неприятия иноверцев. Общая беда советского времени сделала людей разной веры терпимее друг к другу и породила своеобразный *народный экуменизм* (“Бог один, только веры разные”). Стали возможными тесные контакты, браки и даже совместные богослужения со своими иноверными соседями. При этом гонимые ранее малые группы стали, так сказать, “донорскими”, или ведущими.

Описание характера и типов контактов с иноверцами входит в программу сопоставительного исследования вербальной культуры трех русских конфессиональных групп: старообрядцев, молокан и духоборцев. Изучение духовной культуры конфессиональных групп

стало в нашей стране легальным только в последнее десятилетие (см., напр. [Русские старожилы 1995]). Настоящая работа основана на результатах многолетних полевых наблюдений автора — этнолингвиста и фольклориста.

На территории бывшей Российской империи, а затем Советского Союза существовало множество малых конфессиональных групп, или сект, как их ранее называли, а некоторые называют до сих пор. Как известно, истории русского раскола и сектантства посвящена обширная литература, в чем можно убедиться, взглянув на ссылки в работах [Клибанов 1973; 1978] или [Revue des études slaves 1997].

В драматических, полных гонений судьбах духоборцев, молокан и старообрядцев есть много общего, и, кроме того, их объединяет одна очень важная черта — глубокая укорененность в традиционной русской народной культуре; об этом, в частности, свидетельствует общность русских традиционных фольклорных текстов, функционирующих в их среде.

Старообрядцев, или староверов, разбившихся на множество согласий и толков, далеко отошедших друг от друга, тем не менее объединяет противопоставление новообрядческой церкви по важнейшим для церковной жизни параметрам — таким, как служение по старым книгам с использованием древнерусских распевов, двуперстное знамение, восьмиконечный крест, сугубая аллилуйя и др. Названия *старообрядец* и *старовер*, изначально синонимичные, в старообрядческой среде иногда семантически разграничиваются: так, беспоповцы Восточного Полесья называют себя *староверами*, оставляя название *старообрядцы* для представителей поповского белокрыницкого согласия (“вера никонианская, а обряды старые”, — говорят беспоповцы с осуждением).

Духоборцы и молокане — представители русского народного протестантизма. Как и собственно протестанты, они отвергают посредников между собою и Богом, т.е. отрицают церковную иерархию. Они не признают также церковное Предание, отвергают крещение, не поклоняются иконам, не соблюдают православных постов.

Название *духоборцы* православный архиепископ Амвросий дал еретикам, не признающим церковной иерархии, а значит, по мнению церковных ортодоксов, отвергающим основание церкви Святым Духом (отсюда *духо-борец*, т.е. борец *против* Святого Духа) [Новицкий 1882], однако оно стало самоназванием для последователей этого учения, и внутренняя форма слова *духоборец* была истолкована ими как “борющийся духом” (“духовным мечом”) за Дух. Духоборцы не

признают Библию, их учение изложено в псалмах, которые составляют устную *Животную книгу* [Бонч-Бруевич 1909].

Название *молокане* имеет несколько объяснений; согласно наиболее утвердившемуся из них, оно образовано от слова *молоко* и мотивировано тем, что последователи этого учения употребляли молоко в православный пост, т.е. не соблюдали его. По другой версии, это название связано с названием реки *Молочная* в Таврической губернии, где были поселения молокан. Третья интерпретация исходит от самих молокан, которые указывают на слова ап. Петра о том, что христианское учение *есть чистое словесное молоко* (I Петр 2.2) как на подлинный источник для рассматриваемого названия. Среди молокан существует и другие объяснения внутренней формы этого слова, например, с помощью народной этимологии “мало канули”, т.е. пропали для православия.

Сопоставительное исследование указанных конфессиональных групп проводится нами а) по определенным параметрам, или признакам, традиционной культуры, которые являются релевантными для целей филологического описания, т.е. таким признакам, которые обуславливают состояние вербального поведения той или иной локальной культуры или характер взаимодействия культур друг с другом, а также б) по таким лингвистическим параметрам, которые имеют общекультурное значение.

Параметры, по которым производится сравнение, представляют собой не простую совокупность, но сложно организованную иерархическую структуру, которая совершенствуется в процессе описания. Последнее осуществляется челночным способом, причем сугубо эмпирические описания тех или иных элементов культуры заставляют иногда менять соотношения самих параметров как теоретических конструктивных вех исследования.

Кратко охарактеризую основные параметры, на основе которых строится сопоставительное описание указанных выше конфессиональных групп, об этом же см. [Никитина 2001].

Несколько взаимосвязанных признаков, а именно

- а) религиозное мировоззрение, противоречащее господствующему, официально принятому;
- б) замкнутость, вернее, особый баланс между замкнутостью и открытостью, регулирующий процесс выживания группы;
- в) обостренное самосознание, выражающееся прежде всего в сознательном строительстве культуры;

г) самодостаточность, т.е. отсутствие необходимости и потребности в регуляции духовной жизни группы извне;

д) традиционализм, обеспечивающий стабильность культуры, определяют, как представляется, специфику более конкретных признаков, уже непосредственным образом связанных с типами вербального поведения, структурой и функционированием культурных традиционных текстов, а также речевых стереотипов. В свою очередь, эти признаки группируются в некоторые блоки, которым далее даются условные, рабочие названия.

Так, в блок “Структура конфессиональной культуры” включены такие параметры, как тип эсхатологии и роль отдельных личностей, в том числе вождей харизматического типа, т.е. параметры, обуславливающие создание и сохранение определенных жанров (напр., пророчеств и эсхатологических предсказаний у молокан, служебного пения у староверов).

В блок “Язык и тексты” включаются следующие параметры: статусы слова — в речи и пении, взаимоотношения между письменной и устной формами культуры, в частности, статус традиционного фольклора, роль метатекстов и метаязыка в культуре, в том числе место народной герменевтики, функционирование собственных имен, речевые клише как культурные барьеры (см. описание некоторых из этих параметров на материале старообрядческой культуры в [Никитина 1993]).

К блоку “Конфессиональная группа и внешний мир” относятся такие параметры, как роль миграции в порождении новых текстов, наличие территориальных вариантов вербальной культуры, типы окружений и виды контактов со “своими” и “чужими”.

Тема данной статьи посвящена некоторым аспектам последнего параметра этого блока.

Остановимся вначале на понятии *окружения/соседства* и его возможных типах. Будем различать *иноязычное, иноэтническое, иноконфессиональное/иноверческое* и *инокультурное* окружение. Под *инокультурным* в рамках поставленной общей филологической задачи подразумевается иная “светская” культурная, прежде всего, фольклорная традиция. Уточнения требует также понятие *иноконфессионального* (конфессиональный признак здесь выделен из большого числа *инокультурных* признаков как особо значимый).

Старообрядцы, строго говоря, не являются иной конфессией по отношению к новообрядцам — и те, и другие православные. Духоборцы и молокане — как представители русского протестантизма —

также принадлежат к одной конфессии. Однако внутриконфессиональные расхождения в соответствующих группах могут быть весьма значительными, что позволяет говорить не только о противостоянии “больших” конфессий (православие — протестантизм), но и о глубоких внутриконфессиональных различиях, например, между многочисленными старообрядческими согласиями или молоканскими направлениями. С учетом этого можно принять, что любая малая группа находится в иноверческом окружении или соседстве (например, во многих регионах *белокриницкое* согласие старообрядцев соседствует с *паморским*).

Понятия иноязычного и иноэтничного связаны, но не жестко. Окружение может быть иноэтничным, но только отчасти иноязычным, особенно если хотя бы одна из контактирующих сторон двуязычна: таковы, напр., молокане и старообрядцы в США, говорящие на английском и русском языках, а также их одноверцы в нескольких странах Латинской Америки, говорящие на русском и испанском языках.

Будем различать *окружение вертикальное* и *горизонтальное*. Горизонтальное осуществляется в пространстве, вертикальное — в типе и структуре общества, светского и “религиозного”. Так, православная новообрядческая церковь в дореволюционной России была доминирующей по численности и господствующей по положению, и любая малая деноминация ощущала ее силу независимо или почти независимо от того, кто находился в непосредственном пространственном соседстве. В частности, доминирующая группа часто находится и в горизонтальном, или пространственном, соседстве с малой.

При описании вертикального окружения и лингвокультурной коммуникации существенно учесть, принадлежит ли страна, в которой исследуемая группа проживает, к обществам с так называемой *этноцентрической* тенденцией, т.е. к тем, где государство выступает как внешнее по отношению к этническим группам, и где личность реализует основные социальные роли внутри своей группы, каким, например, для эмигрировавших староверов были Турция, Румыния, а сейчас остается Бразилия и Парагвай, но никак не США — эта страна принадлежит к обществам со *стратоцентрической* тенденцией, где в государственном масштабе существует только социальная стратификация, которая определяет социальные роли личности и его языковое поведение (о таком разделении обществ на два типа см. [Виноградов и др. 1987]).

Важно также учитывать временные параметры: соседство может быть стабильным и исчисляться веками, а может меняться в результате миграции конфессиональной группы.

Типы и способы контактов конфессиональной группы с представителями внешнего мира — “чужими”, к которым относятся, кроме окружающего населения, и полевые исследователи, — одно из самых ярких проявлений специфического для каждой внутриконтинентальной и территориальной разновидности описываемых культур баланса между замкнутостью и открытостью.

Так, внутри молоканства максимисты — последователи пророка Максима Рудометкина — в определенном отношении менее склонны к контактам: американские максимисты не позволили нам присутствовать на своем собрании; так называемые “постоянные” молокане говорят, что они рады приветствовать каждого, кто к ним придет и захочет узнать об их вере и жизни. Нелегко получить разрешение быть на службе у старообрядцев часовенного согласия на Алтае и Дальнем Востоке, и гораздо легче — у *семейских* Забайкалья.

Постоянные молокане Северного Кавказа расспрашивали меня о старообрядцах, выражая искреннее сочувствие драматической истории их борьбы и переселений, и просили меня спеть старообрядческие стихи; наставник старообрядцев-беспоповцев, узнав, что я была у молокан, был крайне этим недоволен. Однако можно ли на этом основании сделать вывод, что старообрядцы менее склонны к контактам, чем молокане? Живущие в селе Левокумская Ставропольского края старообрядцы — казаки-некрасовцы — и молокане вернулись в Россию из Турции одновременно — в начале 60-ых годов. Свадьба у старообрядцев открыта для всего села, молоканская свадьба закрыта от посторонних глаз. Максимисты не пускали в собрание молоканку, к которой приехала дочь-отступница, вышедшая замуж за “русского”. Замечу однако, что такие крайние реакции бывают у недавних переселенцев из Турции, где молокане жили в условиях изоляции в относительно этноцентрическом обществе. Весьма суровые запреты были и у закавказских молокан, также пребывавших в течение 150 лет в условиях изоляции (это тема отдельного исследования, связанная с проблемой восприятия “своей” и “чужой” группы, успешно разрабатывается Н.М. Лебедевой, см. [Русские старожилы 1995, гл. XI].

По-видимому, крайне трудно измерить степень замкнутости группы или ее способность к контактам; с одной стороны, это составляет предмет социологического исследования, использующего вопросники, обращенные к самосознанию представителей группы; с другой — существенные сведения по этому вопросу могут быть получены в лингвистических, фольклористических и этнографических исследованиях, посвященных проблеме разного рода заимствований в материальной и духовной сферах.

Вербальная коммуникация, в том числе возможность заимствования не только языковых форм, но и самых разнообразных культурных текстов, в большой степени определяется и внешними обстоятельствами, в том числе окружением, и конфессиональной принадлежностью контактирующих групп. Так, в условиях малочисленности общин молокане — переселенцы из Закавказья, *постоянные* и *прыгуны* — иногда объединяются в одну смешанную общину, где на собрании поют общие для тех и других псалмы, а после моления — прыгунские духовные песни (как на Ставрополье). Однако в *Союз духовных христиан-молочан*, образованный постоянными в начале 90-х годов, прыгуны вступать не захотели.

Соседствующие старообрядческие согласия стараются ничего не заимствовать друг у друга, а контакты свести к полемике по вопросам веры. Так, беспоповцы почти повсеместно считают белокриницкую церковь “продажной верой”. Браки между представителями этих согласий, которые могли в течение ста лет жить в одной деревне, до недавнего времени были довольно редкими, и устные фольклорные репертуары, в частности, духовных стихов, почти не пересекались. При этом служебные книги у обоих согласий являются одинаковыми.

В связи с последним хочу обратить внимание на следующую тенденцию: любые заимствования гораздо быстрее и легче появляются в тех сферах культуры, которые менее защищены идеологией конкретного конфессионального ответвления.

Так, в восточном Полесье уже в течение более трех веков бок о бок живут полешуки — исконные жители Полесья, сохранившие в себе многие общеславянские культурные признаки, и русские старообрядцы, бежавшие от никонианской реформы на запад из средней России. Старообрядцы представлены почти всеми своими согласиями (в одной деревне было “пять вер”), к тому же рядом с ними живут единоверцы, которых беспоповцы-старообрядцы называют отступниками и предателями, относясь к ним даже более непримиримо, чем к новообрядцам. Самые тесные контакты с полешуками наблюдаются у единоверцев, менее контактны белокриницкие, еще менее — беглопоповцы, и минимум контактов с полешуками у беспоповцев, что соответствует степени проницаемости выстроенных культурой барьеров.

Старообрядцы поют и хранят в письменной форме духовные стихи, общерусские и собственно старообрядческие; полешуки, кроме нескольких общерусских духовных стихов, поют поминальные и поздние куплетные стихи.

Единоверцы и старообрядцы белокриницкого согласия перепи-сывают в свои тетрадки кое-какие тексты из репертуара полешуков и поют их, беспоповцы же никогда этого не делают. Тем не менее светский песенный репертуар у всех старообрядцев имеет много общих текстов с фольклором полешуков: этот жанр не защищен старообрядческой идеологией, подробнее см. [Никитина 1989].

Приведенные примеры — только малая часть разнообразных ситуаций, которые складываются во взаимоотношениях конфессиональных групп между собой и в отношениях с православными и которые ведут к заимствованиям вербальных и музыкальных текстов, а также к созданию текстов о “чужих”.

Заканчивая статью, хочу отметить, что представители конфессиональных групп — старообрядцы и молокане — вследствие своих познаний в христианской книге и большого количества полезных запретов в области бытового поведения, несмотря на свою “чуждость”, служили и продолжают служить во многих русских селах для остальной части населения некоторым нравственным мерилom. Так, в северных деревнях, где живут представители крайнего направления старообрядчества — *бегуны*, или *странники*, люди стыдятся открыто пьянствовать — “матушки осудят”. В настоящее время в районы Тульской и Калужской области в массовом порядке переезжают молокане Закавказья, в миропонимании и религиозных правилах которых заложено религиозное отношение к труду и строгий запрет на любые алкогольные напитки. Один из молоканских пресвитеров в беседе/проповеди, обращенной к новоселам, напомнил им о том, что они должны быть образцом жизни для окружающих их остальных деревенских жителей. Будущее покажет, возможно ли это.

Будущее также должно показать, сохранятся ли стихийно возникшие в народе тесные контакты между представителями разных вероисповеданий, или обретенная свобода совести и сопутствующие ей системы обрядов вновь разведут их по разным углам.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонч-Бруевич В. (ред.), *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола*, вып. 2: “Животная книга духоборцев”. Санкт-Петербург, 1909.
- Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я., 1987: *Социолнгвистическая типология (Западная Африка)*. Москва.

- Клибанов А.И., 1973: *Религиозное сектантство в прошлом и настоящем*. Москва.
- Клибанов А.И., 1978: *Народная социальная утопия в России: XIX век*. Москва.
- Никитина С.Е., 1989: Русские старообрядцы в восточном Полесье (к проблеме конфессионального фактора в культурных контактах), in *Этноконтактные зоны в европейской части СССР: География, динамика, методы изучения*. Москва.
- Никитина С.Е., 1993: *Устная народная культура и языковое сознание*. Москва.
- Никитина С.Е., 2001: Вопросы описания территориальных вариантов культуры: сибирские и американские старообрядцы, in *Старообрядчество. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи*. Улан-Удэ.
- Новицкий О., 1882: *Духоборцы. Их история и вероучение*, изд. второе. Киев.
- Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы*. Москва, 1995.
- Revue des études slaves*, LXIX/1–2. Paris, 1997.

E-mail: serafima@iling.msk.su

Январь 2001 г.

SERAFIMA JEVGEN'EVNA NIKITINA

**Russian Confessional Groups Today:
Surroundings and Contacts with Other Confessions**

The article examines the types of surroundings and contacts with other confessions experienced by three Russian confessional groups: the Old Believers, Dukhobors, and Molokans. These two issues are intrinsic parts of a comparative description of confessional cultures, and a number of parameters are introduced for each culture, for purposes of producing the description. The type of surroundings (horizontal and vertical) and kinds of contacts are the parameters of the category "confessional culture and the external world". For the recent and contemporary state of confessional cultures, mention is made of the popular ecumenicism that occurs when there are no operating churches: Russian Orthodox congregants join with members of the Old Believers' denominations which may be treated as a popular protestants, in order to conduct the necessary rites, in particular burials.